

Игнацио Силлоне — «Фонтамара» (отрывок)

Что ж, Фонтамара напоминает во многих отношениях довольно глухую деревню, затерявшуюся между равниной и горой в стороне от оживленного движения, а потому отставшую и обедневшую сильнее, чем другие. Но у Фонтамары есть и свои особенности. Бедняки-крестьяне, — феллахи, кули, пеоны, мужики, земледельцы, — которые, помогая земле плодоносить, сами страдают от голода, одинаковы во всём мире: на этой земле они сами себе нация, раса и церковь, пускай никто пока что и не встречал двух нищих, одинаковых во всём.

Для того, кто поднимается к Фонтамаре со стороны равнины Фучино, деревня предстаёт на фоне бесплодной, серой и засушливой, словно лестничный пролёт, горы. Снизу с лёгкостью можно разглядеть двери и окна большей части домов: сотня домишек, почти все — одноэтажные, неровные, бесформенные, почерневшие от времени и потрёпанные ветром, дождём, пожарами, крытые черепицей и всевозможным металлическим ломом.

У большей части этих лачуг есть всего один проём, где дверь — это и окно, и дымоход. Внутри, на некрытом полу, в голых стенах живут, спят, едят и размножаются — зачастую в одной комнате — мужчины, женщины, их дети, козы, курицы, свиньи, ослы.

Исключение составляет с десяток домов мелких землевладельцев и старый особняк, ныне необитаемый, полуразрушенный. Верхнюю часть деревни занимает церковь с колокольней и небольшая площадь на выступе, до которой можно добраться по круто идущей вверх улице, проходящей через всю деревню; только по ней можно проехать на телеге. К улице с боков примыкают узкие переулки со ступенчатыми подъёмами, короткими и крутыми, где крыши домов там почти касаются друг друга, отчего неба почти не видно.

Для смотрящего на Фонтамару издалека, из долины Фучино, деревня напоминает стадо темнорунных овец с колокольней-пастырем. Словом,

деревня, похожая на любую другую, но для того, кто здесь родился и вырос, она — целый мир. Здесь разворачивается вся мировая история: рождение, смерть, любовь, ненависть, зависть, борьба, отчаяние.

Больше о Фонтамаре нечего было бы говорить, если бы не случились странные вещи, о которых я собираюсь рассказать. Я прожил там двадцать лет, и всё равно ничего другого добавить бы не смог.

Двадцать лет под заурядным небом, очерченным амфитеатром гор, которые окружают земли непроницаемым барьером; двадцать лет на заурядной земле, под заурядными дождями, заурядным ветром, заурядным снегом; заурядные праздники, заурядная еда, заурядные страдания, заурядная боль, заурядная нищета; нищета, унаследованная от отцов, передавшаяся тем от дедов, честный труд которых был бесплоден. Самая жестокая несправедливость родилась так давно, что стала явлением естественным, как дождь, ветер, снег. Жизнь людей, зверей и земли, казалось, была заключена в неподвижный круг, запаянный намертво в кольцо гор и времён года, впаяна в неизменный ход вещей, приговорена к нему.

Сначала сеяли, потом удобряли, собирали урожай, собирали остатки. А затем? Затем повторяли с начала. Посев, прополка, обрезка, удобрение, сбор урожая, поздний сбор. Одна и та же песня, один и тот же припев. Неизменно. Годы шли и скапливались, молодые становились стариками, старики умирали, а урожай всё так же сеяли, пололи, обрезали, удобряли, жали и собирали. А затем? Снова с начала. Каждый год походил на предыдущий, каждый сезон был похож на предыдущий. Каждое поколение походило на прежнее. Никто в Фонтамаре не допускал мысль о том, что заведённый порядок вещей может измениться.

В Фонтамаре социальная лестница состояла всего из двух ступеней: ниже некуда находились крестьяне, чуть выше — мелкие собственники. Ремесленники от них не отличались; чуть лучше жилось хоть немного обеспеченным, у кого была мастерская и ряд примитивных инструментов,

другие же еле-еле перебивались. В течение нескольких поколений крестьяне, работники, мастера, бедные ремесленники делали всё, что могли, терпели лишения и шли на жертвы, только бы сделать этот крошечный шаг по социальной лестнице, но преуспевали редко. Уделом удачливых считалась женитьба на дочери землевладельца. Но если подумать о том, что на землях возле Фонтамары можно посеять центнер пшеницы, а собрать едва ли чуть больше, то станет понятно, что не так уж редко с трудом добившийся своего статуса землевладелец возвращался к роли крестьянина.

(Я знаю, что слово «крестьянин» теперь в разговорном языке моей страны, что в деревне, что в городе, — оскорбление и издёвка, но я использую его в этой книге с уверенностью, что когда в моей стране перестанут стыдиться боли, оно превратится в уважительное обращение или даже почётный титул). У наиболее удачливых крестьян в Фонтамаре есть осёл или даже мул. По осени, едва оплатив долги прошлого года, они должны снова брать в долг, чтобы можно было купить немного картофеля, фасоли, лука, кукурузной муки и не умереть с голода во время зимы. В большинстве своём они так и проводят всю жизнь, тянут за собой цепочку из мелких долгов, позволяющих прокормить себя, и тяжёлых усилий, чтобы их оплатить. Когда урожай неожиданного хорош и денег становится с избытком, их обычно тратят на мировых судей. В Фонтамаре не найдётся и двух семей, не связанных родством; в горных деревнях все так или иначе оказываются родственниками друг другу. Интересы любой семьи, даже самой бедной, затрагивают чужие, а раз нет богатства, приходится делиться бедностью, поэтому в Фонтамаре нет семьи, не участвующей в каких-нибудь судебных разбирательствах. Ссора, как известно, стихает в голодные годы, но разгорается вновь, как только есть деньги, чтобы заплатить адвокату. И это всё одни и те же разбирательства, бесконечные споры, которые передаются из поколения в поколение в череде бесконечных процессов, нескончаемых трат, с глухой, неугасимой злобой в попытке выяснить, кому принадлежит куст с колючками. Куст уже сгорел, но вражда из-

за него всё крепнет. Нет способа сбежать от неё. Между тем, если откладывать по двадцать сольдо в месяц, или тридцати сольдо, или даже с сотни сольдо в летние месяцы, можно было бы накопить лир тридцать к осени, но всё тратится сразу же: надо покрыть задолженности, заплатить адвокату, или священнику, или аптекарю. А следующей весной всё начинается сначала. Двадцать сольдо, тридцать сольдо, сто сольдо в месяц. Затем снова с самого начала.